

**Иеромонах СИМОН (Морозов),
преподаватель СПДС**

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД IX—X ВЕКОВ

Первое знакомство Византийской империи со славянами произошло в конце V века. В 493 году, по свидетельству комита Марцеллина, полководец Юлиан «в ночном сражении поражен был скифским железом». Принято считать, что «скифами» ромеи называли народы, с которыми им пришлось встретиться впервые: болгар и славян. С VI века славяне начинают внедряться на Балканский полуостров и уже через несколько десятилетий овладевают большей его частью. Сохранились здесь и греки, и остатки романского населения (волохи — предки румын), и предки албанцев, но о них пишется мало, так как главную роль в политической жизни Балкан все больше играют именно славяне, которые надвигались на Византию с двух сторон — с севера Балканского полуострова и с низовьев Дуная.

Целесообразно привести отрывок из описания славян VI века византийцами, данного императором Маврикием в книге «Стратегикон»: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что, если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него

священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки... Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают... Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому... Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии»¹.

Византийские писатели VI века делят славян на две группы. Западная (точнее, северо-западная) часть славян,

или собственно славяне, так и обозначалась как славяне (склавины, склавии). Кажется, к ним относили и балканских славян, поскольку двигались те на Балканы с севера, из нынешних Австрии и Венгрии. Но кроме того, византийские писатели VI–VII веков упоминают антов, которых они считали особой группой славян.

Византийские писатели выделяли антов как храбрейших из славян. Обитали же анты на запад до Нижнего Дуная, до утигуров, кочевавших вдоль берега Азовского моря. Любопытно, что анты и склавины, как правило, враждовали друг с другом, и этим умело пользовались византийцы, еще более сталкивая своих северных соседей. К сожалению, конкретных сведений об антах немного и у писателей VI века. По большей части они связаны или со столкновениями на Нижнем Дунае, или с попытками стравить антов и склавинов друг с другом. Хронологически рамки существования Антского союза приходятся приблизительно на 30-е годы VI века — первые годы VII века, когда союз был сокрушен аварами, натравленными Византией. С этого момента имя антов исчезает со страниц истории столь же неожиданно, как и появляется там. Это свидетельство того, что термин «анты» вряд ли употреблялся среди самих славян и, строго говоря, не имел этнического смысла. По-видимому, он имел чисто территориально-политический смысл и исчез после аварского разгрома.

К началу правления императора Юстиниана I славяне уже освоились на северном берегу Дуная и начали постоянные набеги на византийские земли. Уже в 531 году Прокопий Кесарийский в «Истории войн» пишет, что «гунны, анты и склавины уже много раз форсировали [Дунай] и наносили невосполнимый ущерб римлянам»². В ответ Юстиниан назначил талантливого полководца Хильбудия главнокомандующим во Фракии с инструкцией не позволять славянам пересекать Дунай. Тот организовал даже несколько карательных экспедиций за пределами империи, но погиб в 534 году. Юстиниан

попытался столкнуть антов и склавинов между собой, сделал антов союзниками, разместил их воинов в Тирасе около года и даже присоединил к своему титулу эпитет «Антский». Склавины, однако, в 547—552 годах совершают непрекращающиеся набеги на Фракию, достигают Далмации и Иллирии. Впоследствии империя полностью отказалась от задачи защитить Балканский полуостров от славян. Поэтому славяне стали беспрепятственно заселять Балканы. Таким образом, достаточно скоро Балканы оказались полностью заселенными славянами, вплоть до южной оконечности Греции, до Пелопоннеса. В этом море славянского нашествия³ уцелели только самые крупные греческие города — Салоники, Афины, Патры на Пелопоннесе и целый ряд городов на Далматинском побережье Адриатического моря.

Эпоха патриарха Фотия

В патриаршество святителя Фотия произошло нападение русских на Константинополь, и важнейший источник по истории этих событий — проповеди самого патриарха Фотия, произнесенные перед взволнованным и перепуганным константинопольским населением. В науке обсуждается вопрос, кто были эти русские, пришли ли они из Киева или из Крыма⁴, но уже в патриаршество Фотия отношения с русскими получили неожиданно благоприятное развитие. В своем знаменитом окружном послании (2-е письмо патриарха Фотия, которое называется «Окружное послание к восточным престолом»), которое датируется первой половиной 867 года, Фотий сообщает о крещении русских. Он сообщает сначала о крещении болгар, а затем говорит: «Не только сей народ сменил прежнее нечестие на веру Христову, но те, кто часто заставлял о себе говорить, кто всех превзошел в свирепости и кровожадности (здесь, конечно, в нем говорят те чувства, которые жители Константинополя испытали при действительно очень опасном нападении русских.— *Авт.*). Народ,

называемый “росс” (в названии русских использовался этноним, который мы встречаем в греческом тексте Ветхого Завета (см.: Быт. 46, 21).— *Авт.*), который поднял руку против Римского государства, поработив своих соседей и чрезмерно этим возгордившись, но ныне и они сменили эллинское и безбожное учение (эллинское в смысле: языческое), в котором пребывали, на чистую и беспримесную христианскую религию и с любовью поставили себя в разряд подчиненных и друзей вместо недавнего дерзкого набега и грабительства. И настолько воспламенила их любовь и ревность о вере (вопиет паки Павел: «Благословен Бог вовеки!»), что они приняли епископа и пастыря и с большим тщанием и усердием восприняли христианское богослужение». Так произошло первое крещение Руси, которое в историографии называется «фотиевым крещением»⁵.

Русское нападение на Константинополь дало основание империи на возобновление дипломатических отношений с хазарами. Это были традиционные союзники Византии. Однако здесь теперь господствовал новый дух: посольство, посланное к хазарам, было одновременно и дипломатической, и религиозной миссией. Во главе этого посольства был поставлен замечательный ученый Константин Философ, которого мы знаем как святого равноапостольного Кирилла, которому суждено было стать просветителем славян. Целью миссии было защищать христианство в Хазарии перед лицом иудейских и мусульманских влияний, которые чувствовались в этой стране. Вскоре, однако, святой Константин-Кирилл и его брат святой Мефодий оказались во главе более важного посольства, которое получило всемирно-историческое значение. В Константинополь прислал посольство моравский князь (Моравия — часть современной Чехии). Он просил прислать в Моравию византийских миссионеров. Моравия в этот момент уже не была языческой страной, христианство было там уже распространено, но находилось

в руках баварского немецкого духовенства, что представляло для Моравского княжества политическую опасность. Князь Ростислав хотел избавиться от опасности немецкой экспансии и прибегнул к византийским миссионерам.

Святой Кирилл начал по благословению своего константинопольского священноначалия переводить богослужение и священные книги на славянский язык. Этот язык святые братья знали с детства, так как были уроженцами города Солуни; в нем самом и в его окрестностях жило вперемешку греческое и славянское население. Они (прежде всего, это относится к святому Константину-Кириллу) начали разрабатывать славянский литературный язык. В создании этого языка святые братья использовали элементы разных славянских наречий. Как доказывают современные филологи, святые братья стремились создать некий общеславянский язык. Несмотря на то, что дело Кирилла и Мефодия не привилось в Моравии, они создали церковный язык и, можно сказать, церковную культуру всего православного славянства, и язык Кирилла и Мефодия — это то, что ныне объединяет всех православных славян: русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов.

После того как началась миссия святых братьев в Моравии, почувствовали необходимость принять христианство также и болгары. В 864 году болгарский князь Борис принял христианство от Византии, причем в крещении он принял имя Михаила, тогдашнего византийского императора, который, как это было принято, выступил его восприемником при крещении. Сразу после этого греческий клир приступил к просвещению Болгарии под руководством патриарха Фотия. Крещение Болгарии имело следствием не только очень большой прогресс в ее духовном развитии, но и окончательное решение этнической проблемы, потому что Болгарское государство было основано восточным народом (булгарами), захватившим целую группу славянских племен. Принятие христианства болгарами означало окончательную славянизацию этой

верхушки болгарского общества, и те, кто противился христианизации, противились и славянизации. Такие попытки князю Борису (Михаилу; он причислен к лику святых) пришлось пресечь самым решительным образом.

Взаимоотношения Византийской империи с болгарами

Начало X века ознаменовалось для Византии войной с болгарами. Болгаро-византийские отношения во время Македонской династии имеют чрезвычайно важное значение для империи. В Болгарии у власти был Симеон (893–927) — величайший из средневековых болгарских правителей, получивший, как известно, образование в Константинополе, любознательно перечитывавший, по словам источника, книги древних, оказавший великие культурные услуги своему государству и мечтавший об исполнении обширных политических замыслов на счет Византии. До смерти Симеона Болгарского в 927 году Византия находилась почти в непрерывной войне с Болгарией. Он был проникнут идеей самому воссесть на престоле в Константинополе. Поэтому борьба Симеона против Византии имела особое значение. Византия защищала само свое существование. Симеон нанес несколько поражений византийцам и дважды стоял со своим войском у стен Константинополя. Но силы его не были беспредельны. В конце концов императором был тот, кто занимал трон в столице. Симеон поумерил свой пыл, а Византия в лице василеопатора Романа Лакопина согласилась признать его императором болгар, но только на территории Болгарии. Также было дано согласие на брачный союз сына Симеона с девицей дома Лакопинов. Брак этот был почетным, но не давал Симеону никаких рычагов влияния на византийскую политику.

При Симеоне Болгария достигла громадных пределов; границы ее шли от Черного моря до Адриатического и от нижнего Дуная до глубины Фракии и Македонии, не доходя не-

много до Фессалоники. С именем Симеона связывается первая попытка заменить на Балканском полуострове греческое владычество владычеством славянским. После смерти Симеона на болгарский престол вступил кроткий Петр, породнившийся с византийским императором и заключивший мир с Византией.

Только в XI веке удача в войне с болгарами была на стороне византийцев. Это было при императоре Василии II, который за свою жестокость в борьбе с болгарами получил прозвание Болгаробойца. Самуил, правитель Болгарии, увидев 14 000 ослепленных Василием и возвращенных на родину болгар, умер, потрясенный подобным ужасным зрелищем. После смерти Самуила Болгария не могла уже продолжать сопротивление и быстро подчинилась Византии. В 1018 году первое Болгарское царство прекратило свое существование. Болгария, сделавшаяся при царе Симеоне страшным врагом Византии и угрожавшая даже столице и самой императорской власти, была побеждена и превратилась в византийскую провинцию с императорским наместником во главе, но с сохранением известной внутренней автономии.

Византийская империя и Русь

Во время македонских государей русско-византийские отношения развивались очень оживленно. В книге «О церемониях» Константина VII Порфирородного мы встречаем упоминание о 700 русских матросах, участвовавших в одной из успешных морских византийских экспедиций и награжденных за это кентенарием золота. Участие русских в византийских военных операциях было результатом дипломатических отношений Византии и Руси. Под 907 годом «Повесть временных лет» сообщила, что русский князь Олег стоял с многочисленными судами под стенами Константинополя и, разорив его окрестности и перебив большое количество греческого населения, заставил императора вступить с ним

в соглашение и заключить договор. Олегов «щит на вратах Царьграда» был символом действительно победоносных походов русских. Победы, воспетые в русских и скандинавских народных песнях, предшествовали договору Олега с Византией в 911 году. Новый поход с 40-тысячным войском на Византию был предпринят в 941 году при князе Игоре, пока византийский флот был отвлечен арабами. Но взять Царьград не удалось. Поход для Игоря окончился полной неудачей. Русские суда, особенно благодаря губительному действию «греческого огня», были большей частью уничтожены. Остатки судов возвратились на север. Русские пленники подверглись казни. С гораздо большими силами был предпринят Игорем второй поход 944 года, в результате которого был подписан мирный договор и возобновлены торговые отношения.

Дружественные отношения, оформленные этим договором, стали еще более определенными при Константине VII Багрянородном, в 957 году, когда русская великая княгиня Ольга приехала в Константинополь, где была с великим торжеством принята императором, императрицей и наследником. О приеме Ольги в Константинополе сохранилась официальная современная запись в известном сборнике X века «О церемониях византийского двора». Вероятно, во время этого визита произошло крещение святой Ольги. Ее имя в крещении — Елена — это имя супруги императора Константина Багрянородного, которая, как это было принято, в этом случае выступала как восприемница, даже если это было заочное восприемничество. Это еще не было моментом крещения Руси, но это предвзовет крещение Руси, которое произошло в исторически довольно скорый срок после визита святой Ольги в Константинополь.

В правление князя Святослава произошли события большого значения. Император Никифор Фока, желая привести к повиновению Болгарию, но отвлеченный к своей азиатской

границе арабами, обратился за помощью к киевскому князю. С 60-тысячным войском Святослав вторгся в 968 году в Болгарию и добился военных успехов. Временно он вернулся в Киев, чтобы затем возвратиться в Болгарию. Но его желание объединить Великую Преславу с Киевским княжеством под своей властью серьезно встревожило Константинополь. Следующий император Иоанн Цимисхий в 971 году блестящим маневром обошел русского князя и запер его в придунайском городе Силистрия. После тщетных попыток прорваться Святослав пошел на переговоры с Цимисхием, обещая сохранить прежнее соглашение никогда не появляться на Балканах, никогда не нападать на византийскую территорию и оказывать империи военную поддержку в случае необходимости. Император подтвердил торговые привилегии русских, а все русские пленники были отпущены и снабжены продовольствием, поскольку они изголодались в этой осаде. На обратном пути Святослав погиб в сражении с печенегами.

Начало христианской России связано с очень важными событиями царствования Василия II, с событиями, которые едва не стоили ему царского венца. Сильные полководцы, которые вели войны Византии и завоевывали, отвоевывали у мусульман большие территории, иногда начинали борьбу за власть в самой Византии. И вот как раз большое восстание произошло против Василия II. Императора могла спасти только внешняя помощь. Поэтому для Василия II было буквально спасительным то, что весной 988 года ему пришел на помощь русский отряд в 6000 человек. Эта варяго-русская экспедиция в последний момент спасла власть Василию II. В награду за услугу Василий II пошел на невероятные, неслыханные уступки: Владимиру была обещана рука его порфирородной сестры Анны⁶. Впервые порфирородную принцессу отдавали иностранцу, тем более такому варвару, каким византийцам должен был казаться варяжский правитель далекой северной страны. Правда, Владимиру было

выдвинуто абсолютное встречное условие — крещение его самого и его народа. Но тем не менее унижение для византийцев было слишком велико, и, когда опасность миновала, они попытались не выполнить своего обещания. Так что Владимиру пришлось даже захватить Корсунь (Херсон) и обменять его на руку порфирородной принцессы Анны. Так 988 год стал годом крещения Руси.

Когда христианство стало государственной религией Киевской Руси, влияние Византии превратилось в главный фактор развития русской культуры. Размеры и характер этого влияния следует оценивать в свете трех элементов, которые определяли жизнь византийского общества: римской политической традиции, греческого литературного наследия и православной христианской веры. «Без этих трех элементов невозможно понять Византию», — писал Г.А. Острогорский.

Конечно, эти три важнейших компонента византийской культуры нельзя было просто «экспортировать». На русской почве они получали иной удельный вес и должны были соперничать с другими влияниями, определявшимися либо местными условиями, либо контактами с другими странами. В любом случае политические, экономические и военные отношения с Русью, существовавшие до 988 года и столь ярко описанные императором Константином Багрянородным, получили совершенно новый смысл после того, как Русь приняла от Византии ее веру, церковную иерархию, искусство, политическую идеологию и, в переводах, ее литературу.

Примечания и библиографические ссылки

¹ Цит. по: Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII век н. э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 230.

² *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. Кн. VII. М., 1996. С. 247.

³ Это огромное славянское нашествие дало повод немецкому историку Фальмерайеру в XIX веке выдвинуть теорию, согласно которой греческий народ вообще прекратил существование. Эта

теория несостоятельна. Признавая влияние славян на этнографический состав греческого населения, современные ученые отвергают факт полнейшего исчезновения эллинской расы. Но Фальмерайер впервые обратил внимание на влияние славян на средневековую Византию.

⁴ Кто были эти руссы и откуда они пришли. См.: *Никон (Лысенко), иерод.* «Фотиево» крещение славяно-русов и его значение в предыстории Крещения Руси // Богословские труды. М., 1989. № 29.

⁵ Цит. по: *Асмус Валентин.* История Церкви. М., 1998. С. 68.

⁶ Несмотря на ненарушаемое дотоле правило Константина VII, завещавшего византийцам никогда не давать трех вещей иностранцу: имперскую корону, рецепт греческого огня и руку порфирородной принцессы.